МОТИВ ДОМА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: ПРОСТРАНСТВО УКРЫТИЯ И ПРОСТРАНСТВО РАЗРУШЕНИЯ

Джакбарова Гульзода Гайратжон кизи
учитель русского языка и литературы частной школы «IFTIXOR»
+998974166106, gulzodayuldasheva0@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается мотив дома в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как двойственное пространство, которое может быть и укрытием, и местом разрушения. Автор анализирует ключевые «дома» романа: подвальное жилище Мастера, «нехорошую квартиру» №50, «Дом Грибоедова», дворец Понтия Пилата и «вечный дом» финала. Показано, что хронотопы укрытия и разрушения не изолированы, а постоянно переходят друг в друга. Разрушение при этом может выполнять разоблачительную и очистительную функцию. «Вечный дом» трактуется как преображённая форма укрытия, спасающая творчество от истории, но и закрепляющая отсутствие героев в ней. Теоретическую основу составляют идеи М. М. Бахтина (хронотоп), Г. Башляра (поэтика дома), Ю. М. Лотмана (граница) и М. Хайдеггера (обитание).

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Мастер и Маргарита»; мотив дома; хронотоп; пространство укрытия; пространство разрушения; «нехорошая квартира»; «вечный дом»; квартирный вопрос.

Abstract. The article examines the motif of the house in Mikhail Bulgakov's novel The Master and Margarita as an ambivalent space that can serve both as a shelter and as a site of destruction. The author analyses the novel's key "houses": the Master's basement dwelling, the "bad apartment" No. 50, Griboyedov House, Pontius Pilate's palace, and the "eternal home" of the finale. It is shown that the chronotopes of shelter and destruction are not isolated but constantly pass into one another. Destruction may also have an exposing and purifying function. The "eternal home" is interpreted as a transformed form of shelter that saves creativity from history while also fixing the heroes' absence from it. The theoretical framework draws on the ideas of M. Bakhtin (chronotope), G. Bachelard (poetics of space), Yu. Lotman (boundary) and M. Heidegger (dwelling).

Keywords: M. Bulgakov; The Master and Margarita; motif of the house; chronotope; space of shelter; space of destruction; "bad apartment"; "eternal home"; housing question.

Мотив дома занимает в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» особое место, поскольку именно пространство жилища определяет в нём не только быт, но и нравственный и метафизический порядок мира. Цель доклада – показать, что дом у Булгакова выступает двойственным образом: он может быть пространством укрытия, охраняющим личность и творчество, и пространством разрушения, где человека лишают покоя и достоинства. Хронотопы укрытия и разрушения не располагаются в романе изолированно: они постоянно пересекаются и переходят друг в друга, и именно это определяет сюжетную и смысловую логику произведения.

Теоретическую основу работы составляют концепция хронотопа М. М. Бахтина, понимаемого как неразрывная связь пространства и времени в художественном тексте [1], поэтика дома Г. Башляра, где жилище предстаёт «уголком мира», местом защиты мечтания и памяти [2], а также идеи Ю. М. Лотмана о границе как структурном элементе текста [3]. Для описания историко-культурного фона привлекается исследование В. Паперного о советском

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

жилищном пространстве [4], а для интерпретации романа – работы Б. Гаспарова, В. Лакшина и булгаковедческие энциклопедические издания [5; 6; 7].

Первое положение состоит в том, что мотив дома в романе строится на оппозиции двух типов пространства. Первый – замкнутое и интимное пространство укрытия, воплощённое в подвальном жилище Мастера. Маленький домик с подвалом, где герой пишет роман о Понтии Пилате, открыт лишь для немногих, а его быт (печка, книги, цветы, садик за окном) работает как микромир, в котором возможно настоящее творчество. Этот дом отвечает башляровскому представлению о жилище как месте, где воображение находит пристанище [2]. Однако укрытие у Булгакова всегда хрупко: оно угрожаемо внешним миром, и дом Мастера будет разрушен не вследствие случайности, а потому, что творческое уединение не вписывается в порядок литературной москвы тридцатых. Донос и захват жилой площади превращают укрытие в утрату, и это тем более показательно, что в советской москве жильё было предметом дефицита и социальной борьбы [4]. Не случайно, что Воланд отмечает порчу москвичей квартирным вопросом: эта реплика выводит бытовую проблему на уровень нравственного диагноза.

Второе положение связано с «нехорошей квартирой» №50 на Садовой – пространством, которое первоначально задумано как жилое, но становится очагом разрушения. Её прошлые жильцы исчезают, а сама квартира превращается в сцену вторжения иного порядка – вплоть до того, что её пространство расширяется для бала у Сатаны под магическим воздействием «пятого измерения». Дом, растянутый за пределы физических мер, перестаёт быть жилищем и становится «порогом» между мирами, точкой, в которой законы повседневности перестают действовать. В этом смысле разрушение у Булгакова имеет не только карательный, но и разоблачительный смысл: обнажая хрупкость мнимого порядка, оно делает видимым то, что ведёт к нему – трусость, корысть, духовную пустоту обитателей.

Третье положение касается «Дома Грибоедова» – литературной институции, притворяющейся «домом» для писателей. Здесь уютный ресторан, привилегии и дачи заменяют творчество, и дом становится не местом укрытия для литератора, а механизмом его контроля и подкупа. Благополучие этого дома оказывается ложным: он создан для тех, кто пишет по заказу, и не пропускает того, кто пишет что должно. Пожар в финале здесь предстаёт как символическое воздаяние: разрушается не здание, а фикция «дома литературы». Таким образом, у Булгакова пространство разрушения не всегда зло: оно бывает механизмом очищения, уничтожающим пространство, лишённое подлинного смысла.

Четвёртое положение связано с ершалаймскими главами. Дворец Понтия Пилата – это место власти, но и место одиночества: прокуратор, подписавший приговор, оказывается заперт в собственном доме, как в тюрьме совести. Его дом не защищает, а мучает, и эта двойственность уточняет понятие дома: он оказывается не стенами, а состоянием мира с собой. Ершалаймская линия романа тем самым расширяет мотив дома до метафизического, и второй план романа работает как зеркало московского: та же двойная природа жилища повторяется в другой эпохе, что подчёркивает универсальность проблемы [5].

Пятое положение относится к финалу, где мотив дома получает разрешение в образе «вечного дома», который Маргарита обещает Мастеру. Это не свет, но покой – пространство, где творческое уединение сможет продолжаться без угроз внешнего мира. Этот дом – не возврат к подвальному жилищу, а его преображённая форма, в которой укрытие окончательно отделено от разрушения. В бахтинских терминах это хронотоп, в котором время становится неизменным, а пространство – защищённым [1]. Именно здесь становится видно, что два пространства – укрытия

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

и разрушения – имеют одно и то же метафизическое основание: разрушается то, что время истории не пропускает в вечность, а спасается то, что несёт в себе подлинный смысл. Поэтому финальный «дом» – это не награда в бытовом смысле, а форма спасения творчества, которое не уничтожается даже в огне.

Шестое положение касается нравственно-философского итога мотива. Хайдеггер связывал обитание с самим способом бытия человека в мире [8], и для Булгакова дом тоже оказывается не предметом, а условием подлинного существования: кто не может обитать в мире, обретает дом в вечности. Такое решение неоднозначно: оно освобождает героев от угрозы, но закрепляет их отсутствие в истории. Современная критика часто подчёркивает эту амбивалентность: покой – это и награда, и известное ограничение [6; 7]. Мы полагаем, что именно эта амбивалентность делает мотив дома наиболее выразительным: у Булгакова дом – это и укрытие, и потеря, и достижение покоя, и признание поражения перед историей.

Таким образом, мотив дома в романе «Мастер и Маргарита» организует систему пространственных оппозиций: укрытие – разрушение, подвал – «нехорошая квартира», литературный дом – вечный дом, московский план – ершалаймский. Эти оппозиции не взаимно исключают друг друга, а переходят друг в друга, и именно в этом переходе заключается художественная особенность булгаковского пространства. Дом у Булгакова не дан человеку от рождения: его нужно заслужить, защитить и обрести, и это делает мотив ключевым для понимания художественной концепции романа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: РОССПЭН, 2014.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
4. Паперный В. Культура «Два». – М.: НЛО, 2006.
5. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки по русской культуре XX века. – М.: Наука, 1994.
6. Лакшин В. Я. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – М.: Худож. лит., 1989.
7. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. – М.: Локид-Миф, 1996.
8. Хайдеггер М. Строить, обитать, мыслить // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.
9. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. [Электронный ресурс].

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.